

John Godbehere ‘Джон Боже будь здесь’ (1456), *Gilbert Godbiemidus* ‘Гильберт Боже будь с нами’ (1219), *Pardee, Pardew, Depardieux* (< *de par Dieu* < лат. *de parte Dei* ‘ради Бога’).

«Набор» христианских ассоциаций в английских фамилиях свидетельствует о заметном месте, которое занимали клирики в средневековом английском обществе, и о роли церковного календаря, регуливавшего многие стороны жизни этого общества.

Reaney P. H. The Origin of British Surnames. London, 1980.

Е. П. Андреева

Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
ep-andreeva@bk.ru

Отражение архаических представлений о смерти в лексике вологодских говоров

По мнению О. А. Седаковой, «обращаясь к погребальной и поминальной обрядности и к тому кругу представлений, которые она выражает (смерть, жизнь, бессмертие, душа, доля, предки, “тот” и “этот” свет), мы касаемся самой сердцевины традиционной славянской культуры» [Седакова, 2004, 17].

Согласно данным вологодских говоров, народный ритуал погребения, с одной стороны, основан на православных традициях, с другой стороны, отражает дохристианские представления о смерти. Так, на территории Вологодской области широко распространен устойчивый оборот *хоронять с выносом* ‘хоронить по христианским обычаям, со священником’: «Если священник быў на похоронах, то это называли хоронять с выносом» (Влгд.) [СВГ, 1, 205]. Согласно православному обряду, на лоб умершего возлагается венчик, в руки покойного вкладывается текст с разрешительной молитвой. О соблюдении этой традиции свидетельствуют слова *венók, подорóжная* ‘венчик на лоб покойника’: «Прóпуск в рúки подаёт, а на лóб наклáдывают венók» (Тот.); «Прéжде

на лоб покойнику накладывали подорожную» (Межд.) [СВГ, 8, 91; 7, 104]. Для обозначения понятия 'бумага с текстом молитвы, вкладываемая в руки покойного' в вологодских говорах используются слова *похоронная*, *пропуск*: «Лóжили покойника в грóб. Лóжили ему в рúки похорóнную, лист с тéкстом молíтвы» (Гряз.) [СВГ, 8, 24].

Интерес представляет история лексемы *подорожная*. В словаре Даля это слово фиксируется без помет в значениях 'открытый лист на получение почтовых лошадей', 'разрешительная молитва по усопшем: местами она кладется в гроб' [Даль, 3, 190]. СРНГ [28, 121] отмечает его в значениях: 1) 'написанная на листе бумаги молитва, которую вкладывают в руки усопшего' (нижегор., перм., смол.); 2) 'венчик на лоб покойника' (новг.). Видимо, со временем происходит контаминация понятий 'венчик' и 'разрешительная молитва', что приводит к изменению значения влг., новг. *подорожная*.

По церковным канонам подготовка к смерти предполагает заботу о душе умирающего. С крестьянской точки зрения, необходимо заранее позаботиться о вещественной стороне похорон: «Стáрый я совсём, náдо уж и к смéрти подготóвицца. Да я уж и домовíну себе постройл, и крест смастерíл, и оградú сдéлал» (Верх.) [КСВГ]. Влг. *дом*, *домовíна*, *домовíще* 'гроб' связаны с архаичной славянской мифологемой «гроб — дом умершего» [СД, 1, 553]. Заранее готовилась и погребальная одежда, о чем свидетельствуют устойчивые обороты *смéртная одéжда*, *смéртный úзел*: «Умрú, так смотрí, где у меня смéртной úзёў лёжít» (Тарн.) [СВГ, 10, 55]. На базе отмеченных сочетаний образуется универбат *смéртная*: «Мы с дéдом ужé приготóвляем смéртную-то, чтоб, когда умрём, всё готóво býло» (Влгд.) [Там же].

Народные представления о связи живых с миром мертвых отражают контексты, иллюстрирующие значения слов *блázнить(ся)*, *малáвить*, *малáнить* 'чудиться, мерещиться, казаться', *поблázнить*, *поманíть*: «Блázнилось мне, что муж покойный здесь стоит, как живóй, и есть прóсит» (У-Куб.) [КСВГ]. М. Н. Власова отмечает, что «по распространенным представлениям, покойные родственники, предки не исчезают бесследно, но продолжают "жить", участвуя в делах семьи, крестьянской общины» [Власова, 1995].

Комментария требует внутренняя форма устойчивого оборота *отдáть плáтыце* 'умереть': «Она́ и деветí мéсецей пóсле егó не прожила́, тóжо плáтыцо отдалá» (Сямж.) [СВГ, 7, 88].

Фразеологический образ, формирующий это значение, отражает народную традицию: отдавать вещи покойника тем, кто провожает его в последний путь. Об этом обычае свидетельствует и фразеологизм *дары покойника* ‘вещи покойника, которые на поминках дарили пришедшим’. Кажется бы, отмеченная традиция соответствует христианским канонам: получивший милостыню должен молиться об умершем. Но в этом ритуальном действии можно увидеть и отголоски языческих верований, согласно которым существует постоянная связь между живыми и мертвыми членами рода. Отметим и фразеологизмы, свидетельствующие об обязанности живых обеспечить умершего в загробной жизни: *купить место* ‘об обычае класть монеты поверх крышки гроба на похоронах’, *окупать гроб (могилку)* ‘об обычае бросать в открытую могилу монеты’ [КСВГ].

В связи с этим интерес представляет употребление влг. *прах* в значении ‘нечистая сила’: «Вездé пра́х выгоня́л дёвку-то» (Шексн.) [СВГ, 8, 34]. Л. П. Якубинский, описывая распространение церковнославянизмов в говорах, рассматривает слово *прах* как эвфемизм черта [Якубинский, 1953, 116–117]. Действительно, в вологодских говорах фразеологизмы с компонентом *прах* (например, *надава́ло ко праха́м* (кого) ‘о том, кто пришел не вовремя, некстати’) строятся в основном по общерусским моделям с компонентом *черт*: *пойти́ ко праха́м* — *пойти к черту* (ко всем чертям), *прах но́гу сло́мит* — *черт ногу сломит*. Но внутренняя форма этих фразеологизмов может сохранять и более ранние (дохристианские) представления наших предков о мире. Производное значение ст.-слав. *прахъ* ‘останки, то, что осталось от тела умершего’ дает возможность предположить метонимический перенос значения (‘останки’ → ‘сам умерший’). По словам С. М. Толстой, в отношениях мира живых и мертвых наряду с культом предков «явно присутствует страх перед мертвыми, сознание зависимости от них» [Толстая, 2000, 14]. Отчасти этим объясняется пейоративная окраска фразеологизмов с компонентом *прах* и дальнейшее развитие его семантики: ‘умерший’ → ‘нечистая сила’.

Существовали магические действия, помогающие защититься от покойника, преодолеть страх перед ним: «Пóсле похоро́нья стол, где по́койник лежа́у, прокида́ют, и на стол садíтся тот, кто бо́ится» (Межд.) [СВГ, 8, 83]. Обрядовое действие переворачивания предметов при погребении описано Н. И. Толстым [1995].

В докладе рассматриваются также архаические мифологемы, сохранившиеся в вологодских говорах: «смерть — дорога» (*прóпуск, подорóжная, похорóнная, на прáвом пути́, непúтной покóйник*), «смерть — сон, покой» (*высыпáльня, осыпáльня, покóйницкая*), «гроб — дом» (*дом, дóмик, домовiна, домовiще*).

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. URL: <http://gumagic.ucoz.ru/files/abevega>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2006.

КСВГ — картотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ).

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983–2007.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Толстая С. М. Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение. 2000. № 6. С. 14–20.

Толстой Н. И. Перевоначивание предметов в славянском погребальном обряде // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 213–222.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.